

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ СВОБОДЫ В РОМАНЕ Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»

*Работа представлена кафедрой этики
Санкт-Петербургского государственного университета.
Научный руководитель – кандидат философских наук Е. А. Овчинникова*

В статье на примере известного литературного произведения – романа Е. И. Замятина «Мы» рассматривается одно из проблемных полей этики – интерпретация категории «свобода». Интерес представляет рассмотрение этой категории в религиозном, социальном, философском аспектах.

Ключевые слова: философия, литература, религия, свобода, творчество.

One of the problem ethic fields – interpretation of the category «freedom» – is considered in the article by the example of the well-known novel «We» by E. I. Zamyatin. The author views this category in the religious, social and philosophical aspects.

Key words: philosophy, literature, religion, freedom, creation.

Проблема интерпретации понятия «свобода» является одной из острейших как в российском, так и в мировом обществе начала XXI в. Для России она усугубляется постоянным пересмотром соотношения понятий христианской соборности и индивидуализма. Парадоксальность постановки вопроса заключается в том, что слово «свобода» ассоциативно вызывает представление об отсутствии всякого внешнего давления, неограниченности человеческого волеяния. При этом неизменной остается возможность внутреннего выбора человеком нравственных ограничений. Ответственность – одна из основных категорий, «сопутствующих» свободе, именно она может служить критерием направленности духовных исканий на Добро, или, по крайней мере, нравственного удержания личности от негативных поступков. Рассмотрение свободы как духовного, личностного, социального феномена расширяет и без того необъятный круг изучения. И к настоящему моменту, когда в сознании большинства людей сформировалось понятие о XX в. (после 1917 г.) как о времени, неправильно прожитом страной, есть основания вернуться к 1920–1930 гг., вновь изучить и пересмотреть философско-литературный пласт того времени. Роман, о котором пойдет речь в данной

статье, интересен тем, что написан Е. Замятиным до его отъезда из России. Он являлся полемичным по отношению к официальной советской литературе, которая изобиловала произведениями, проводящими в общественную мысль политику правительства по уничтожению в человеке индивидуальности, по слиянию отдельных личностей в общую сплоченную массу и тем не менее утверждавшую, что именно теперь человек приобрел свободу. Таким образом, категория свободы в советской литературе 1920-х гг. переходит в свою противоположность. На общем фоне выделялась пролеткультовская поэзия. Ее представители, в частности А. Богданов и А. Гастеев, выработали «прогрессивную» концепцию переустройства мира, в которой одним из необходимых условий являлось «уничтожение в человеке души и чувства любви». Идеологи Пролеткульта в основе художественного творчества видели необходимость систематизации коллективного опыта для последующего создания «живых образов». Материализм, абсолютное превосходство практической основы над духовной, ущербность всего личного легли в основу концепции. Теория эта абстрактна и схематична, на первый план она выдвигала понятие «мы», коллектив безликий и

безымянный. Понятия «я», «личность», «индивидуальность» были ей чужды. Значения слов «личность» и «член коллектива» стали равнозначны. Поэт А. Гастеев предложил «отдельную пролетарскую единицу» обозначать цифрами или литерами. Подобная тенденция, по его замыслу, должна была со временем создать невозможность индивидуального мышления.

Евгений Замятин задумывает создать пародию на эту пролеткультовскую утопию и в 1920 г. заканчивает написание «самой серьезной и самой шуточной» своей вещи – романа «Мы».

«Я» и «мы» – как одни из составляющих человеческого мироощущения, в сознании главного героя переливающиеся из слитной массы людей в противоположность – индивидуализм. Д-503 исследует эти грани, ищет наиболее верный вариант их соотношения, но трагизм заключается в том, что и строитель Интеграла, и другие герои так и не находят верного сочетания. Обусловлено это неподготовленностью души, ее переориентацией Единым государством в нужное ему направление, для чего власть развивала разум героя, оставляя за гранью дозволенного духовность, чувства, ценностно-нравственные образцы прошлого.

Если в реальности советской России власть пыталась убедить граждан, что они наконец-то обрели долгожданную свободу, то в Едином государстве желанной стала несвобода. В сознании граждан Единого государства свобода приравнивается к диким, животным, преступным инстинктам. Свобода не только зло с моральной позиции, но и преступление с юридической. Из текста следует (запись 2, в которой герой размышляет о красоте «машинного балета» станков, строящих Интеграл), что нашлось не только этическое оправдание несвободе как благу, но и эстетическое, несвободе как красоте. Искаженная эстетика переносится и на восприятие природы. Человек становится полностью оторванным от Природы, созданной Богом, ему гораздо красивее кажется стерильность неба, нежели причудли-

вые силуэты бегущих по нему облаков, его раздражают блики солнца, игра светотени. Искусственность творения, его прямолинейность, геометричность, прозрачность, рациональность, правильность – не так прочны, как кажутся жителям Единого государства. Природное, чувственное начало все же проникает в «стеклянный рай» из-за Зеленой Стены. Дуновение ветра – и цветочная пыльца, облака оказываются по эту сторону, вызывая к жизни «дикие» ощущения.

Жанр романа обычно определяют как антиутопию, как идеологический роман. Не только первые критики, но и последующие исследователи-литературоведы акцентировали внимание на социальном аспекте, что, безусловно, верно. Но так как для рассмотрения произведения избрана категория свободы – категория, содержащая в себе дуализм, поскольку свобода может быть либо взлетом на вершины духовного совершенства, либо падением в бездну, то попробуем рассмотреть роман через путь души Д-503, человека даже не нареченного, а лишь пронумерованного. Произведение посвящено и извечному поиску души человека, а душа прежде всего ищет Бога. Вопрос в том, находит ли, и если да, то находит ли именно то, что искала. В начале ведения своих записей герой полагает, что имеет все, что нужно для счастья, имеет даже нормативно-ценностный образец – идеал, подобный Богу. В данном случае понятие «мы» вмешивается даже в эту сферу, так как богopodobен не только Благодетель, богopodobно само Единое государство. И лишь постепенно пробуждающаяся душа начинает тосковать по тому неведомому, но истинному, что никогда не поддается конечному определению. Следует отметить, что роман пронизан отсылками к христианству, поскольку государство в основе своей идеологии использовало традиционную христианскую систему ценностей. Подмена понятий, при воспитании благонадежных граждан, привела к тому, что последние, уже самостоятельно, путем размышлений доводят до абсурда любые богословские и

культурные, этические и эстетические понятия. Почти каждая идея, каждый важный образ, упоминаемый героем в записях, имеет прототип в христианстве, все окружающие героя предметы, люди облакаются им в библейские образы. «...Я не могу себе представить город, не одетый Зеленой Стеною, не могу представить жизнь, не облеченную в цифровые ризы Скрижали», «...нечто подобное испытывали древние во время своих «богослужений» (описание торжественного дня на площади Куба), «...это была торжественная литургия Единому государству, воспоминание о крестных днях – годах Двухсотлетней войны...». Описывая Благодетеля, Д-503 сравнивает его походку с величественной поступью первосвященников, а Хранителей, как он предполагает, «может быть... провидела фантазия древнего человека, создавая своих нежно-грозных “архангелов”, приставленных от рождения к каждому человеку». В записи 25 Благодетель назван Новым Иеговой, а его прилет на аэро – сошествием с небес. Герою 32 года, еще немного, и наступит «возраст Христа». Е. Замятин выбрал и символичное для христианства число 40 – всего герой оставил 40 записей, что, безусловно, не случайно. Е. Замятин писал в «Закулисах» о том, что он редко использовал отдельные, случайные образы. Наблюдаемый хронологический охват – от момента создания человека до Крестной смерти Христа. Но если в христианстве самый трагический момент окончился Воскресением, то окончание драмы у Е. И. Замятина остается за кулисами. Кстати, даже отсчет времени ведется аналогично понятиям до и после Рождества Христова. «Это давно, еще в III веке после Скрижали».

Д-503 – человек, с рождения находящийся под влиянием тотального контроля, не умеющий анализировать ситуацию, человек, в котором смещены и перевернуты понятия о Добре и Зле. Любые рассуждения приводят героя к абсурдным выводам потому, что в них нет его свободного размышления над проблемами. Все заранее было

продумано идеологами и внедрено в сознание. И в этом благонадежном гражданине Д-503, живущем по законам Единого государства, постепенно пробуждается душа, которая становится проводником героя по короткому, но от этого не менее сложному, пути к свободе, свободе в выборе любимого человека, в выборе между «я» и «мы», свободе в определении Добра и Зла. Но поиски заканчиваются трагично. Человек не просто в разладе со своей душой, он ее воспринимает как болезнь.

Тема ненужности свободы, рассмотренная ее как помехи на пути обретения счастья отсылает читателя к средневековой легенде о Великом инквизиторе, используемой Ф. М. Достоевским в «Братьях Карамазовых» – произведении, представляющем собой синтез основных идей и образов писателя, раскрывающем всю глубину его религиозно-нравственных исканий. В «Братьях Карамазовых» легенда обособлена по отношению к сюжету, в романе «Мы» приобретает реальные очертания, создавая модель государства. В обоих произведениях герои, имеющие власть, выясняют соотношение понятий «свобода» и «счастье». Инквизитор и Благодетель возвращают в себе демоническое начало, проснувшееся внутри их сердец и толкающее к реальным действиям, затуманенное, искаженное сознание облакает все это в идею о стремлении к достижению всеобщего счастья на земле. Мир полон зла, несправедливости и страданий, их преодоление возможно через отказ от свободы, а так как добровольный отказ (отрешение) человечества от свободы невозможен, целесообразно применение принудительных мер и при необходимости насилия.

«Нового Иегову» – Благодетеля Единого государства заботит именно «счастье» граждан, а не свобода. Он полагает, что человек изначально не был подготовлен к свободе (пересказанная история о рае), человеку и сейчас не нужна свобода (история трех отпущенников).

Иван Карамазов объясняет Алеше позицию Великого инквизитора: «Он именно

ставит в заслугу себе и своим, что наконец-то они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми»¹.

Ф. М. Достоевский на протяжении всего своего творческого пути исследовал загадочную противоречивость внутреннего мира человека, подчеркивал любовь человека к собственной индивидуальности и рассматривал свободу в ее диалектичности и трагизме. Согласно концепции Ф. М. Достоевского, поскольку добро не может быть принудительным, свобода добра предполагает наличие свободы зла. Существование последней ведет к перерождению свободы в злую необходимость. При отрицании свободы зла абсолютизация свободы добра, в свою очередь, привела бы ее к перерождению в добрую необходимость и, следовательно, отрицанию самой свободы. Стремление личности к свободе Ф. М. Достоевский рассматривал как естественное свойство человека и раскрывал, с одной стороны, как желание независимости, стремление обрести себя, с другой – как жажду пожить «по своей глупой воле», по капризу. При этом он утверждал необходимость пути человека к свободе и через свободу, для обретения и сохранения личностного начала. Согласно воззрениям автора, существует свобода иррациональная, определяющая образ жизни человека через выбор между добром и злом, но это свобода низшего уровня, так как она является зависимой от чувств и страстей. Свобода высшего порядка – свобода Бога, Добра – есть подлинная свобода, при которой человек достигает высшего духовного уровня. Путь духовного развития человека и одновременно с тем его жизненный путь протекают между выбором одной из вышеназванных свобод. Это долгий и мучительный путь, исполненный соблазнов, искушений и страданий, что приводит нередко к потере личностной целостности. У Ф. М. Достоевского в главе «Великий инквизитор» описано противостояние свободного духа и римской католической догматичности, причем в искаженном варианте, когда в глубине скрыва-

ется отказ от Бога, поклонение другой силе. Не просто человек, но даже Богочеловек становится врагом, помехой в создании нового царства. Великий инквизитор, как и Благодетель, полагал, что человек слишком слаб, самостоятельно ему не вынести «бремени свободы», оно мучительно для него. В романе Ф. М. Достоевского так же, как и у Замятина, показана необходимость, возникающая у власти, жаждущей полностью контролировать жизнь людей, подчинить себе не только их тела, но и души.

Легенда у Е. И. Замятина приобретает еще более сухое и трагичное звучание, когда в рассуждениях Благодетеля происходит перестановка и подмена Добра и Зла в истории о крестной смерти Христа. Это приводит к тому, что главными героями на Голгофе становятся палачи, чья роль «самая трудная, самая важная». И если в руках кардинала было такое оружие, как костер, то у Благодетеля есть возможность головного оперирования подданных и лишения их фантазии. Его «технические возможности» гораздо выше (и это тоже к теме власти машин), и обман дается легче. Враги инквизитора – христиане, в отличие от врагов Благодетеля. Те непокорные, которые стремятся к свободе в Едином государстве, служат Мефи. То есть, уйдя от антихристианского мира, почитающего Благодетеля, Д-503 вырвался бы в другой антихристианский мир, поклоняющийся Мефистофелю. Хотя сам Е. Замятин, сын священнослужителя, в своем восприятии данного образа был далек от резко негативной оценки. Мефистофель, с точки зрения Е. Замятина, вызывает и поддерживает непрерывность «мучительно-бесконечного» движения и не дает миру застыть в скучном совершенстве. Он несет в себе мятежное начало и является одновременно «величайшим в мире скептиком и... величайшим романтиком и идеалистом», разрушительное начало при этом связано с его тайной верой «в силу человека стать божественно-совершенным». Хотя каждый «правильный» человек в Едином государстве на-

столько заражен гордыней, что и так видит себя человекобожеством. Настолько идеальным созданием, что способен переустроить мир в более совершенный, чем мир настоящий, созданный Богом.

Важным организующим моментом являются отношения героя с женщинами. Полноценного, взаимного чувства любви между мужчиной и женщиной в романе не возникает ни на миг. Что знал герой о любви к середине своего повествования? Он уверенно вычислял «истинное» ее значение. «Ну да, ясно: чтобы установить истинное значение функции – надо взять ее предел. И ясно, что вчерашнее нелепое “растворение во Вселенной”, взятое в пределе, есть смерть. Потому что смерть – именно полнейшее растворение во Вселенной. Отсюда если через “Л” обозначим любовь, а через “С” смерть, то $L = f(C)$, то есть любовь и смерть...»².

Любовь есть глубочайшая тайна, соединение неповторимых индивидуальностей и их желание раскрыть себя для другого. Взаимопонимание между людьми является одной из составляющих любовного чувства. Взаимопонимание возникает при одинаковых нравственных ориентирах. Между Д-503 и I-330 его быть не могло. I-330 боялась довериться герою отчасти из-за того, чтобы не рисковать жизнями своих единомышленников. Д-503 не понимал ее стремлений и исканий, он был ориентирован на мертвую догматичность. Ведь изначально, сама по себе, идея свободы не привлекательна для него. Только чувство любви сводит Д-503 с заговорщиками и подталкивает его к оказанию им помощи. Согласившись на свободу, на отношения с людьми, живущими за Зеленой Стеной, он считает себя предателем и преступником.

Но и для них свобода не самоцель, они тоже приносят ее к подножию своей веры, в их теории присутствует объект поклонения. И приоткрывая завесу тайны, объясняя герою значение древнего забытого имени Мефи, I-330 переходит на понятный

Д-503 язык, искусно вплетает в свою теорию понятия «энтропия» и «энергия», определяя стремление первой силы к блаженному покою и счастливому равновесию, а второй к разрушению данного равновесия, к мучительно-бесконечному движению. В ее интерпретации предки Д-503 и ему подобных (христиане) поклонялись энтропии как Богу. Она и ее единомышленники – анитихристиане, понимающие необходимость бунта и революции. На восприятие понятий «энтропия» и «энергия» самим Е. Замятиным оказала влияние термодинамическая теория Роберта Майера – немецкого химика, чьи идеи писатель рассматривал и как глубочайшие философские исследования. Свои взгляды на его научное творчество Е. Замятин выразил в биографическом очерке «Роберт Майер».

У строителя Интеграла, или «философа от математики», как его назвала I-330, свои пристрастия в области науки, перешедшей в идеологию, и свои взгляды в области философии. «Гениальнейшим из древних», «пророком» Д-503 почитает Тэйлора, чье имя было весьма популярным среди современников Е. Замятина. Американский инженер Фредерик Уинслоу Тэйлор – основоположник системы организации и нормирования труда, именно его система фактически уравнивала деятельность человека и работу машины. Антиподом в романе выступает Кант, «какой-нибудь там» Кант. Но именно несоблюдения кантовского категорического императива со стороны возлюбленной I-330 не хватило герою для полного становления души, для того чтобы он смог удержаться от предательства. I-330 вырвала его из привычной, обыденной жизни, забрала у близких ему, она разъяла его «Мы» на два «Я» и забрала одно, и он простил все, так как согласился на это. Но для нее он продолжал оставаться одним из тех – одним из «Мы». В кульминационной сцене Благодетель разъяняет герою, что он не представляет абсолютной самоценности для I-330,

она видит его лишь средством для достижения своей цели. «Вдруг:

– Вам сколько лет?

– Тридцать два.

– А вы ровно вдвое – шестнадцатилетне наивны! Слушайте: неужели вам в самом деле ни разу не пришло в голову, что ведь им – мы еще не знаем их имен, но, уверен, от вас узнаем, – что им вы были нужны только как Строитель “И н т е г р а л а” – только для того, чтобы через вас...

– Не надо! Не надо, – крикнул я.

...Так же, как заслониться руками и крикнуть это пуле: вы еще слышите свое смешное “не надо”, а пуля – уже проггла, уже вы корчитесь на полу»³.

И тогда, после всего пережитого, в важнейший, трагический момент жизни перед Д-503 возникает образ другой женщины – образ матери. Так как память занимает относительно небольшое пространство текста, то и мечта-воспоминание о матери – лишь щемящее душу героя вкрапление, не имеющее развития. Именно тут нужно обратиться к еще одной героине, которая, единственная из всех, любит его «просто так», а не «потому, что», любит так, что хочет стать матерью его ребенка. О внешнем различии двух главных героинь написано много, здесь хочется акцентировать внимание на другом. О-90 способна на самоотречение во имя любимого человека, она предоставляет ему свободу, самоустранившись из вновь образованного любовного треугольника. Она просит его об одном, чтобы он стал отцом ее ребенка. Желание самое естественное и сложное, выражающее истинность ее чувств к герою, желание бунтарское, практически невозможное в условиях Единого государства. Желание, ради осуществления которого Е. И. Замятин дарует и жизнь, и свободу О-90. Вначале материнство было больше похоже на жертвенность, так как кара казалась неизбежной, но впоследствии был найден выход. О-90 смирилась с тем, что помощь она получит от своей соперницы – I-330, и благодаря

этому она и ее будущий ребенок обрели спасение и свободу. Но, и это следует подчеркнуть, свободой они обязаны и Д-503, не побоявшемуся рискнуть, впервые не побоявшемуся взять на себя ответственность, не отступившему перед тем, что просить ему придется любимую женщину о другой и о своем ребенке от другой. Тем самым он принял участие в судьбе ребенка и любящей его женщины. То есть именно О-90, а не страстно желанную I-330 он не предал.

Два любовных треугольника не кажутся автору достаточными. Есть героиня-загадка, искусительница, присутствует героиня, обладающая множеством положительных черт, оставалось заполнить пространство отрицательным образом. Такой героиней, обладательницей «жаберных щек» и отчетливого голоса, вызывающего неприязненную ассоциацию («почти негнувшийся – как деревянная линейка»), стала Ю. Женщина, которая собиралась «записаться» на него и тем самым исполнить «свой долг» ради его же «блага». В отношении Ю – следившей, мешавшей, доносившей – автор находит оригинальное решение. Происходит не физическое, но моральное подавление. Герой, по его собственному определению, совершает «убийство», убийство смехом. Но это еще на пути к концу. Именно следующее разрешение отношений, с I-330, это – «конец», так как круг замкнулся. Оставшуюся в герое веру в искренность чувств разбила сама I-330 во время своего визита. Теперь полная убежденность героя толкает его к следующему шагу – предательству.

Любое предательство – это прежде всего предательство себя, попрание светлого в собственной душе. И если жизнь дана человеку для душевного развития, то предательство – разрыв на пути, после которого немногие способны к дальнейшему восхождению. Потом возможны угрызения совести, что дает надежду подняться, но несет мучения в земной жизни либо временное спокойствие, но это – путь вниз. Надежда

героя на духовное воскресение не оправдалась, что будет с его душой потом – загадка. В конце романа герой остается в своем разумном мире, в последней, 40-й записи, в последних строках упоминая поперечный 40-й проспект, где сконструировали временную Стену из высоковольтных волн, которая должна способствовать победе разума.

Последний момент – глубоко личностный – это творчество. «Литературное» творчество для Д-503 – его исповедь перед читателями, «неведомыми друзьями». То, что останется после него на земле. Хотя его профессионализм говорит о наличии таланта и в области космического кораблестроения, что, несомненно, является чертой близкой автору романа. Записи Д-503 – его самовыражение, проявление его творческого начала, к которому он относится чуть ли не серьезнее, чем к своей работе. И это творчество он воспринимает как проблему связи личной свободы и ответственности перед самим собой, социумом, перед предшествующими и последующими поколениями.

Резюмируя, можно отметить: к концу романа воля героя, как и прежде, подчинена законам Единого государства, интересам Благодетеля; он является проигравшим в дне вчерашнем и сегодняшнем. День завтрашний, будущее – желание и надежда (переходящая в следующем предложении в уверенность) победить «значительное количество нумеров, изменивших разуму». И это несмотря на то, что среди них вскоре начнет жить его ребенок! Характерно слово «изменивших», обычно говорят, что разум изменил человеку. Здесь, наоборот, разум властвует над всем, и ему изменяют, это свободный выбор людей в расстановке при-

оритетов. Само слово, взятое из терминологии чувств, звучит почти любовно, как измена самому ценностному, дорогому. Но ничто не предопределено, и свободная душа может в любой момент вырваться из оков «разума» и продолжить путь своего совершенствования.

Роман Е. Замятина интересен прежде всего тем, что автор сумел проследить путь развития индивидуальности внутри общества на идейном, коммуникативном, поведенческом уровнях.

В многогранном романе «Мы» свобода рассмотрена на социальном и на личностном уровнях, в соприкосновении Д-503 с государством, социумом, друзьями и врагами, любимыми и презируемыми, рассмотрена духовная и творческая свобода. Это череда взлетов и падений, образец человеческого одиночества в соборности «мы», образец слабости человека при неожиданно сильных перспективах обретения свободы. И образец того, какую гамму чувств может вызвать схематичное описание геометричного, прозрачного, рационального государства и робкого дыхания живой души.

Любой художественный текст, как и любое произведение искусства, не может полностью отразить авторский замысел, интерпретация же его будет всегда индивидуальна, более того, она не будет единичной и у одного человека в разный период времени. Е. И. Замятин оставляет открытым финал произведения, предоставляя читателю возможность свободного выбора. Открытый финал, как правило, раздражающий читателя, делает его тем не менее еще большим соавтором, так как конец в любом случае сочинять ему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М., 1980. С. 286.

² *Замятин Е.* Мы. М., 1989. С. 96–97.

³ Там же. С.150.